

БИО
ГРАФИЯ

Ромен Роллан

Жизнь
Микеланджело

Перевод с французского
Валентины Куреллы

ФТМ

Биография (ФТМ)

Ромен Роллан

Жизнь Микеланджело

«ФТМ»

1907

Роллан Р.

Жизнь Микеланджело / Р. Роллан — «ФТМ»,
1907 — (Биография (ФТМ))

ISBN 978-5-4467-3413-9

Французский романист и драматург, автор таких великих произведений, как «Кола Брюньон» и «Очарованная душа», Ромен Роллан был удостоен в 1915 году Нобелевской премии «...за возвышенный идеализм произведений, и также за подлинную симпатию и любовь, с которой писатель создает различные человеческие типы». Ромена Роллана привлекали яркие талантливые личности, оставившие свой след в искусстве и истории. Так возник цикл «Жизни великих людей», включивший в себя биографии Бетховена, Микеланджело и Толстого, а также пьеса «Дантон», вошедшая в цикл «Театр революции». В книге «Жизнь Микеланджело» писатель стремился, по его словам, «заразить мужеством, счастьем борьбы» своих читателей, «помочь тем, кто страдает и борется» на примере могучей личности художника.

ISBN 978-5-4467-3413-9

© Роллан Р., 1907

© ФТМ, 1907

Содержание

Часть первая	15
I	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ромен Роллан Жизнь Микеланджело

В Национальном музее во Флоренции можно видеть мраморную статую, которую Микеланджело назвал «Победитель». Это прекрасно сложенный юноша, нагой, с крутыми завитками волос над низким лбом. Стройный и прямой, он уперся коленом в спину бородастого пленника, который вытянул шею и, как бык, подставляет голову под удар. Но победитель не смотрит на него, победитель медлит; он в нерешительности отворачивается, у него скорбный рот и смущенный взгляд. Поднявшаяся было рука опустилась к плечу, торс откинут назад; он не пожелал победы, она уже не прельщает его. Он победил. Он побежден.

Образ героического Сомнения, Победа с подрезанными крыльями – единственное из творений Микеланджело, остававшееся до самой смерти скульптора в его флорентийской мастерской, – это сам Микеланджело, символ всей его жизни. Недаром Даниелло да Вольтерра, поверенный дум великого мастера, хотел увенчать этой статуей его гробницу.

* * *

Страдание бесконечно в своем многообразии. Иногда мы страдаем от слепого произвола обстоятельств – нужды, болезней, превратностей судьбы, людской злобы. Иногда очаг всех наших горестей гнездится в нас самих. Однако и эти страдания столь же достойны жалости и столь же неотвратимы, ибо человек не выбирал своего «я», не по своему желанию появился он на свет и стал тем, что он есть.

Вот эти-то страдания и выпали на долю Микеланджело. Ему в избытке была отпущена та сила, тот редкостный дар, без которого нельзя бороться и побеждать, – он победил. И что же? Он не пожелал победы. Не того хотел он, не к тому стремился. Трагедия Гамлета! Мучительное несоответствие героического гения отнюдь не героической, не умеющей желать воле и неукротимым страстям.

Пусть не ждет читатель, что, по примеру многих наших предшественников, мы будем и в этом искать доказательств его величия. Никогда мы не согласимся, что мир становится тесен человеку оттого, что сам человек слишком велик. Смятение духа не есть признак величия. Отсутствие гармонии между человеком и действительностью, жизнью и законами жизни даже у великих людей всегда порождается не величием их, а слабостью. Зачем же скрывать эту слабость? Разве слабый менее достоин любви? Нет, более, ибо особенно нуждается в ней! Я не воздвигаю памятников недостижимым героям. Мне ненавистен идеализм, трусливо отводящий взор от жизненных невзгод и душевных слабостей. И народу, слишком легко поддающемуся обманчивой иллюзии громких фраз, следует помнить: всякая ложь о героизме проистекает от трусости! Героизм – это видеть мир таким, каков он есть, и любить его.

* * *

Судьба, описанная нами здесь, трагична потому, что она являет пример врожденного страдания, страдания, которое коренится в самом человеке, неустанно подтачивает его и не отступится до тех пор, пока не завершит своего разрушительного дела. Это один из наиболее ярких представителей того великого человеческого племени, которое вот уже девятнадцать веков оглашает Запад стенаниями скорби и веры; это – христианин.

Когда-нибудь в далеком будущем, через много-много столетий, – если только еще сохранится память о нашей земле, – люди склонятся над бездной, в которую кануло это племя, как склонялся Данте над кругами ада, – со смешанным чувством восхищения, ужаса и жалости.

Но никому это чувство не ведомо лучше, чем нам, которые детьми уже приобщились к этим терзаниям, видели, как терзаются наши близкие, – нам, кого все еще преследует терпкий и одуряющий запах христианского пессимизма и кому не раз приходилось напрягать свою волю, чтобы в минуты сомнений не поддаться соблазну и, подобно другим, не погрузиться в головокружительные глубины небытия.

Божественное небытие! Жизнь вечная! Прибежище тех, кому не удалась жизнь на земле! Вера, которая так часто – лишь неверие в жизнь, неверие в будущее, неверие в свои силы, недостаток мужества и недостаток радости!.. Мы знаем, на каких страшных поражениях зиждется ваша горькая победа!..

И потому я вас жалею, христиане, и потому вас люблю. Я жалею вас и преклоняюсь перед вашей скорбью. С вами мир печальнее, но и прекраснее. Исчезнет ваша скорбь – и мир станет в чем-то беднее. Нынешнее время – время трусов, бегущих страдания и шумно требующих себе права на счастье, построенное в сущности на несчастье других, – найдем же в себе смелость взглянуть в глаза скорби и отдадим ей должное! Да будет благословенна радость, и да благословенна будет скорбь! Они родные сестры и обе священны. Это они создают мир и окрыляют великие души. В них сила, в них жизнь, в них Бог. Кто не любит их обеих – не любит ни той, ни другой. А тот, кто приобщился к ним, познал цену жизни и сладость расставания с ней.

Ромен Роллан

* * *

Он был гражданином Флоренции – Флоренции мрачных дворцов и стройных, как копья, башен, за которыми идет волнистая и четкая гряда холмов, тончайшим узором врезанная в густую лазурь небес, с черными веретенами низкорослых кипарисов и струисто-серебряной перевязью трепещущих от ветра маслиновых рощ; Флоренции изощренного изящества, где бледный, саркастический Лоренцо Медичи и большеротый лукавый Макиавелли любовались воочию «Весной» и бескровными, златоволосыми Венерами Боттичелли; горячечной, спесивой, беспокойной Флоренции, легко становившейся добычей любого фанатизма, то и дело сотрясаемой религиозной и социальной лихорадкой, где каждый был свободен и каждый был тиран, где так хорошо было жить и где жизнь была адом; уроженцем города, сыны которого умны, нетерпимы, умеют и восторгаться и ненавидеть, остры на язык, подозрительны, завистливы, склонны настороженно следить друг за другом, чтобы при первом удобном случае друг друга погубить; города, где не нашлось места независимому духу Леонардо, где Боттичелли, совсем как какого-нибудь шотландского пуританина, под конец жизни одолевали мистические видения, где Савонарола, выставив свой козлиный профиль и сверкая черными глазами, заставлял монахов плясать вокруг костра, на котором жгли произведения искусства и где три года спустя сложили костер, чтобы сжечь его самого.

* * *

Плоть от плоти этого города и этой эпохи, Микеланджело разделял все предрассудки, все страсти, все неистовства своих соотечественников.

Правда, он их не очень-то жаловал. Его могучему и вольному гению было душно и тесно в узких рамках их искусства для избранных, он презирал их жеманный ум, их плоский реализм, слащавость, болезненную утонченность. Им крепко доставалось от него, но все же он любил их. Он не относился к родине с усмешливым безразличием Леонардо. Вдали от родного города его

снедала тоска¹. Всю жизнь он тщетно стремился жить во Флоренции. Он защищал Флоренцию в трагические дни осады и желал «вернуться туда мертвым, если уже не приведется вернуться живым»².

Исконный флорентинец, Микеланджело гордился своим происхождением и родом³. Гордился даже больше, чем своим гением. Он не желал, чтобы его считали художником:

«Я не скульптор Микеланджело... Я Микеланджело Буонарроти...»⁴

Аристократ по духу, он был полон кастовых предрассудков. Он даже утверждал, что «искусством должны заниматься благородные, а не плебеи»⁵.

К семье он относился с религиозным благоговением, как древние, почти как варвары. Жертвуя для нее всем, он требовал, чтобы и другие поступали так же. Он говорил, что «ради семьи готов продать себя в рабство»⁶. Однако дело тут было не в родственной привязанности. Он презирал братьев, которые и не заслуживали иного отношения, презирал своего племянника и наследника Лионардо. Но и в племяннике и в братьях он уважал представителей своего рода. Слово это беспрестанно попадает в его письмах:

«Наш род... *la nostra gente*... поддержать наш род... не дать угаснуть нашему роду...»

Он унаследовал все предрассудки, весь фанатизм сурового и крепкого рода Буонарроти. Пусть сам он был создан из этого земного праха. Но из праха вспыхнул огонь, очищающий все, – огонь гения.

* * *

Пусть тот, кто отрицает гений, кто не знает, что это такое, вспомнит Микеланджело. Вот человек, поистине одержимый гением. Гением, чужеродным его натуре, вторгшимся в него, как завоеватель, и державшим его в кабале. Воля тут ни при чем и почти ни при чем ум и сердце. Он горел, жил титанической жизнью, непосильной для его слабой плоти и духа.

Жил в постоянном исступлении. Страдание, причиняемое распиравшей его силой, заставляло его действовать, беспрерывно действовать, не зная ни отдыха, ни покоя.

«Никто так не изнурял себя работой, как я, – пишет он. – Я ни о чем другом не помышляю, как только день и ночь работать».

¹ «Временами мною овладевает глубокая тоска, как то бывает со всеми вдали от дома» (письмо от 19 августа 1497 г., Рим). – Р. Р.

² Это про себя говорит он устами своего друга Чеккино деи Браччи, флорентийского изгнанника, поселившегося в Риме: «Смерть мне дорога, ибо ей я обязан счастьем вернуться на родину, куда путь при жизни был мне заказан». («Стихотворения Микеланджело», изд. Карла Фрея, сонет LXXIII, 24). – Р. Р.

³ Буонарроти Симони, уроженцы Сеттиньяно, упоминаются в флорентийских хрониках уже в начале XII в. Микеланджело это было известно: он хорошо знал свою родословную. «Мы принадлежим к самым старым и именитым горожанам Флоренции» (письмо к племяннику Лионардо, декабрь 1546 г.). Он возмущался, что племянник мечтает получить дворянство. «Это значит не уважать себя. Всем известно, что мы принадлежим к старой флорентийской буржуазии и можем поспорить в знатности с кем угодно» (февраль 1549 г.). Он хотел возродить значение своего рода, вернуть семье древнее имя Симони, основать во Флоренции патрицианский дом, но этому мешали его братья, люди посредственные и недалекие. Он краснел от стыда при мысли, что один из них (Джисмондо) ходит за плугом и живет как простой крестьянин. В 1520 г. граф Алессандро Каносса написал Микеланджело, что обнаружил в семейных архивах доказательства их родства. Известие было ложное, но Микеланджело поверил; он даже хотел приобрести замок Каносса, свое предполагаемое родовое гнездо. На основании рассказов Микеланджело его биограф Кондиви вписал в число предков семейства Буонарроти сестру Генриха II, Беатрису, и маркграфиню Матильду. В 1515 г., по случаю приезда папы Льва X во Флоренцию, брату Микеланджело – Буонаррото был пожалован титул Палатинского графа – *Comes palatinus*, и Буонарроти получили право включить в свой герб «*palla*» (шары) из герба Медичи, три лилии и инициалы папы. – Р. Р.

⁴ «Я никогда не принадлежал к тем художникам и скульпторам, которые торгуют своим искусством. Я этого всегда остерегался, блюдя честь своего рода» (письмо к Лионардо от 2 мая 1548 г.). – Р. Р.

⁵ Кондиви. – Р. Р.

⁶ Письмо к отцу от 19 августа 1497 г. Микеланджело «получил свободу и вышел из-под родительской власти» только 13 марта 1508 г., в возрасте тридцати трех лет (зафиксировано официальным актом 28 марта следующего года). – Р. Р.

Жажда деятельности превращалась в своего рода манию: он взваливал на себя одну работу за другой, принимал больше заказов, чем мог выполнить. Ему уже мало было глыбы мрамора, ему требовались утесы. Задумав работу, он мог годы проводить в каменоломнях, отбирая мрамор и строя дороги для перевозки; он хотел быть всем зараз – инженером, черно-рабочим, каменотесом; хотел делать все сам – воздвигать дворцы, церкви – один, собственноручно. Он трудился как каторжный. Боясь потерять лишнюю минуту, он недоедал, недосыпал. Снова и снова в его письмах повторяется все та же жалоба:

«Я едва успеваю проглотить кусок... Не хватает времени даже поесть... Вот уже двенадцать лет, как я изнуряю свое тело непосильной работой, нуждаюсь в самом необходимом... У меня нет ни гроша за душой, я разут, раздет, терплю всяческие лишения... Я живу в нужде и лишениях... Я борюсь с нуждой...»⁷

С нуждой воображаемой... Ибо Микеланджело был человеком состоятельным, а к концу жизни даже богатым, очень богатым⁸. Но что давало ему богатство? Жил он бедняком, прикованным к своей работе, как кляча к мельничному жернову. Никто не мог понять, зачем он так себя истязает. Никто не понимал, что он не властен был не истязать себя, что это стало для него потребностью. Даже родной отец, у которого Микеланджело перенял многие черты характера, упрекал сына:

«Твой брат рассказал мне, что ты живешь уж очень бережливо и даже убого. Бережливость похвальна, но за убожество тебя осудят. Этот порок не угоден ни Богу, ни людям. Он разрушает тело и душу. Пока ты молод, это, быть может, и не скажется, но к старости нездоровый образ жизни даст себя знать, и тебя станут одолевать болезни и немощи. Остерегайся этого. Живи скромно, но не отказывай себе в необходимом и смотри не переутомляй себя чрезмерной работой...»⁹

Но никакие советы не помогали. Микеланджело всю жизнь был безжалостен к себе. Питался он куском хлеба, запивая его глотком вина. Спал очень мало. В Болонье, где он работал над бронзовой статуей Юлия II, у него была всего одна кровать – для себя и трех своих помощников¹⁰. В постель Микеланджело укладывался, не раздеваясь и не снимая обуви. Однажды у него так сильно опухли ноги, что пришлось разрезать голенища сапог, но вместе с сапогами с ног слезла и кожа.

Этот страшный образ жизни привел к тому, что Микеланджело, как и предсказывал ему отец, постоянно хворал. Судя по письмам, у него было по крайней мере пятнадцать тяжелых болезней¹¹. Его донимала лихорадка, от которой он несколько раз чуть было не скончался.

⁷ Письма 1507, 1509, 1512, 1513, 1525, 1547 гг. – Р. Р.

⁸ После смерти Микеланджело в его римском доме нашли около восьми тысяч золотых дукатов, что составляет на нынешние деньги примерно полмиллиона франков. Кроме того, по свидетельству Вазари, он еще при жизни подарил племяннику, в два приема, семь тысяч скудо и наградил двумя тысячами скудо своего слугу Урбино. Крупные суммы лежали у него в банках Флоренции. Из официальных документов за 1534 г. явствует, что он владел шестью домами и семью поместьями во Флоренции, Сеттиньяно, Ровещано, Страделло, Сан-Стефано-де-Поццолатико и т. д. У него была страсть к земельным приобретениям. Что ни год, он покупает землю: в 1505, 1506, 1512, 1515, 1517, 1518, 1519, 1520 и во все последующие годы. В этом сказывался потомок крестьян. Впрочем, если Микеланджело и накапливал богатства, то отнюдь не для себя. Отказывая себе во всем, он много тратил на других. – Р. Р.

⁹ Далее следуют некоторые гигиенические советы, по которым можно судить о нравах тех времен: «Главное, береги голову, не кутайся чрезмерно и никогда не мойся. Вели очищать себя, но никогда не мойся» («Письма», письмо от 19 декабря 1500 г.) – Р. Р.

¹⁰ «Письма», 1506 г. – Р. Р.

¹¹ В сентябре 1517 г., когда Микеланджело работает над фасадом Сан-Лоренцо и «Христом» для церкви Санта-Мария-сопра-Минерва, он «болен и при смерти». В сентябре 1518 г. в каменоломнях Серавеццы он заболевает от усталости и огорчений. В 1520 г., когда скончался Рафаэль, он снова хворает. В конце 1521 г. его друг Лионардо-шорник поздравляет его с «выздоровлением от болезни, которая многих свела в могилу». В июне 1531 г., после падения Флоренции, он не спит, не ест, у него болит голова и сердце – такое состояние продолжается до конца года; друзья опасались, что он уже не подыметься. В 1539 г. он срывается с лесов в Сикстинской капелле и ломает себе ногу. В июне 1544 г. у него сильнейшая лихорадка, и он лежит в флорентийском дворце Строцци, где за ним ухаживает его друг Луиджи дель Риччо. С декабря 1545 по январь 1546 г.

Болели глаза, зубы, голова, сердце¹². Он страдал от невралгических болей, которые усиливались во время сна, – вообще спать было для него мукой. Он рано одряхлел. Уже в возрасте сорока двух лет Микеланджело чувствует себя стариком¹³, а в сорок восемь пишет, что после одного дня работы должен отдыхать четыре¹⁴. Притом он упорно не желал обращаться к врачам.

Нечеловеческий труд подтачивал не только физические, но еще в большей степени душевные силы Микеланджело. Его одолевает пессимизм – наследственный недуг Буонарроти. В молодости ему постоянно приходилось успокаивать отца, который временами, по-видимому, страдал манией преследования¹⁵. Однако сам Микеланджело был болен куда серьезнее, чем тот, кого он старался ободрить. Беспрерывная работа, страшное утомление, ибо он никогда как следует не отдыхал, делали его игрушкой самых нелепых страхов, какие только могут примерещиться мнительному уму. Он опасался своих врагов. Опасался своих друзей¹⁶. Опасался родственников, братьев, приемного сына: ему представлялось, что все они только и ждут его смерти.

Все внушало ему тревогу¹⁷; его вечные страхи служили даже предметом насмешек для близких¹⁸. Он жил, как сам говорит, «в состоянии меланхолии или, вернее сказать, безумия»¹⁹. Он столько страдал, что под конец даже сжился со своими страданиями и находил в них какую-то горькую усадлу:

Что больше мне вредит, то больше и пленяет.
E più mi giova dove più mi nuoce²⁰.

Все доставляло ему страдание – даже любовь²¹, даже благополучие²².

В печали нахожу единственную радость.

у него повторный приступ лихорадки, после чего он сильно ослаб; снова он у Строции, и снова за ним ухаживает Риччо. В марте 1549 г. он жестоко страдает от камней в пузыре. В июле 1555 г. его мучает подагра. В июле 1559 г. он опять страдает от камней в почках и других недугов и очень слабеет. В августе 1561 г. у него припадок: «потеря сознания, сопровождаемая судорогами». – *Р. Р.*

¹² «Febbre, fianchi, dolor, morbi occhi e denti». «Стихотворения», сонет LXXXII. – *Р. Р.*

¹³ Июль 1517 г. Письмо из Каррары к Доминико Буонинсенци. – *Р. Р.*

¹⁴ Июль 1523 г. Письмо к Бартоломео Анджелини. *Р. Р.*

¹⁵ В письмах его к отцу то и дело наталкиваешься на такие фразы: «Не терзайте себя...» (весна 1509 г.). «Мне больно, что Вы живете в вечном страхе, умоляю Вас, не думайте больше об этом» (27 января 1509 г.). «Не бойтесь, и пусть это Вас несколько не печалит» (15 сентября 1509 г.). На старика Буонарроти, так же как и на Микеланджело, иногда, по-видимому, находил панический ужас. В 1521 г. (об этом будет рассказано в дальнейшем) он вдруг убежал из собственного дома, крича, что сын его выгнал. – *Р. Р.*

¹⁶ «В самой сладостной, самой крепкой дружбе часто таится посягательство на жизнь и честь» (см. сонет LXXIV, посвященный другу Микеланджело Луиджи дель Риччо, который незадолго перед тем выходил тяжелобольного скульптора и спас ему жизнь. 1546 г.). См. также прекрасное письмо, написанное верным другом Микеланджело Томмазо деи Кавальери 15 ноября 1561 г. в ответ на его несправедливые подозрения: «Я более чем уверен, что никогда Вас ничем не оскорбил, но Вы слишком легко верите тем, кому менее всего следовало бы верить». – *Р. Р.*

¹⁷ «Я постоянно настороже... Не доверяйте никому, спите вполглаза». – *Р. Р.*

¹⁸ Письма брату Буонарроти от сентября и октября 1515 г.: «Не смейся над тем, что я тебе пишу... Нехорошо насмехаться, а в такие времена тревожиться и бояться за свою душу и тело вовсе не худо... Тревожиться никогда не мешает...» – *Р. Р.*

¹⁹ Часто в своих письмах он называет себя «меланхоликом и безумцем», «старым и безумным», «безумным и злым». В другом месте он оправдывается, говоря, что безумие, в котором его обвиняют, «вредит лишь мне одному». – *Р. Р.*

²⁰ «Стихотворения», сонет XLII. – *Р. Р.*

²¹ Che degli amanti è men felice stato Quello ove'l gran desir gran conia affrena C'una miseria di speranza piena. «Страданье, исполненное надежд, сулит любящим больше счастья, нежели то наслаждение блаженством, от которого угасают желанья» (см. сонет CIX, 48). – *Р. Р.*

²² «Все меня печалит, – пишет он. – ...Даже благополучие удручает и гнетет меня не меньше, чем горе, – слишком уж оно недолговечно». – *Р. Р.*

*La mia allegrez' è la malinconia*²³.

Более всего ему была присуща скорбь, менее всего радость. Только одну скорбь он видел, только одну ее чувствовал во всей безграничной вселенной.

На сотни радостей мученья одного не променяю!..

Mille piacer non vaglion un tormento!..²⁴

Безнадежное отчаяние, в котором было и свое величие, слышится в этом крике, вобравшем в себя всю скорбь мира.

* * *

«Необыкновенная ревностность в труде отдалила Микеланджело от людей, почти от всякого общения с ними», – пишет Кондиви.

Он был одинок. За ненависть ему платили ненавистью, но за любовь не платили любовью. Ему дивились и боялись его. К концу жизни Микеланджело вызывал у своих современников чувство, близкое к благоговению. Он возвышался над всем своим веком. Бури улеглись. Он смотрит на людей сверху, а они на него снизу. Но он по-прежнему один. Никогда не знал он простой радости, которая дана каждому смертному, – никогда не отдыхал, согретый лаской близкого человека. Ни одна женщина по-настоящему его не любила. Лишь краткий миг в этом пустынном небе просияла холодной и чистой звездой дружеская привязанность Виттории Колонны. А вокруг мрак, прорезаемый огненными метеорами его мыслей: желаниями и безумными мечтами. Никогда Бетховен не знал такого мрака, ибо мрак этот был в самой душе Микеланджело. В печали Бетховена повинен окружавший его мир, от природы он был веселым – он тянулся к радости. А Микеланджело носил в себе ту гнетущую печаль, которая отпугивает людей и которой все поневоле сторонится. Вокруг него неизменно создавалась пустота.

Но это было не самое страшное. Не самое страшное остаться одному. Страшно другое: остаться наедине с собой и быть с собой в разладе, не уметь подчинять себя своей воле, мучиться сомнениями, стараться побороть свою природу и только убивать себя. Гению Микеланджело дана была в спутницы душа, которая постоянно его предавала. Существует мнение, что Микеланджело преследовал злой рок, не позволявший ему завершить ни один из его великих замыслов. Этот злой рок – сам Микеланджело. Ключ к пониманию всех его несчастий, всей трагедии его жизни, – чего никогда не замечали или не осмеливались замечать, – это недостаток воли и слабость характера.

Он был нерешителен в искусстве, нерешителен в политике, нерешителен во всех своих поступках и во всех своих мыслях. Когда требовалось из двух работ, двух замыслов, двух проектов сделать выбор, он всегда колебался. Тому доказательство история памятника Юлию II, фасада церкви Сан-Лоренцо и гробниц Медичи. Он никак не может начать работать, а начав, ничего не доводит до конца. Он и хочет и не хочет. Стоит ему, наконец, решиться, как сразу же начинаются сомнения. В глубокой старости Микеланджело вообще уже ничего не завершал: все ему приедалось. Говорят, Микеланджело вынужден был выполнять прихоти пап и герцогов, и в этом усматривают причину того, что он вечно переходил от одного замысла к другому. Но забывают при этом, что никакой папа не мог бы понудить его, если бы встретил со стороны художника твердый отказ. Однако Микеланджело не решался отказывать.

²³ «Стихотворения», сонет LXXXI. – Р. Р.

²⁴ «Стихотворения», сонет LXXIV. – Р. Р.

Он был слаб. Слабость эта порождалась и положительными качествами Микеланджело и робостью его. Он был слаб потому, что его мучила совесть художника: он терзался сомнениями, которые более решительная натура просто бы отмела. По излишней своей добросовестности он считал себя обязанным делать самые несложные работы, с которыми любой подрядчик справился бы лучше его²⁵. Ни выполнить своих обязательств, ни пренебречь ими он не умел²⁶.

Он был слаб, потому что всего остерегался и страшился. Тот самый человек, которого Юлий II называл «грозным» («terribile»), по свидетельству Вазари, «осторожен», чересчур даже осторожен; тот, «кто наводил страх на всех, даже на пап»²⁷, сам всех боялся. Он проявлял слабость в общении с великими мира сего. А между тем никто так не презирал эту слабость в других, как он сам. Микеланджело называл таких людей «вьючными ослами при королях и герцогах»²⁸. Он не хотел служить папам, но оставался при них и выполнял их желания²⁹. Он терпеливо сносил оскорбительные письма от своих покровителей и отвечал униженно³⁰. Порой Микеланджело бунтовал, гордо возвышал свой голос, но всегда сдавался. Так ему и не удалось до самой смерти вырваться из-под гнета, не хватило сил для борьбы. Климент VII, который, вопреки установившемуся мнению, все же лучше других пап относился к Микеланджело, знал его слабохарактерность и жалел его³¹.

Полюбив, Микеланджело терял всякое достоинство. Он мог унижаться перед негодяем вроде Фебо ди Поджо³² называл «могучим гением» обаятельного, но посредственного художника Томмазо деи Кавальери³³.

Но тут хоть чувство придает что-то трогательное его слабости. Когда же слабость порождается страхом, она становится прискорбной, чтобы не сказать постыдной. На Микеланджело находили порой приступы панического ужаса. Тогда, гонимый страхом, он бежит из одного конца Италии в другой. Так, он бежит из Флоренции в 1494 г., напуганный рассказом о страшном видении. Вторично он бежит из осажденной Флоренции в 1529 г. – из осажденной Флоренции, которую ему поручено укреплять. Он бежит в Венецию. Еще немного, и он бежал бы во Францию. Опомнившись, он стыдится своего поступка, возвращается в осажденный город и остается на посту до конца осады, искупая тем свою вину. Но когда Флоренция пала и начинаются расправы, как он боится, как трепещет! Он позорно заискивает перед папским проконсулом Валори, только что пославшим на плаху его друга, благородного Баттиста делла Палла, доходит до того, что отрекается от своих друзей, флорентийских изгнанников³⁴.

²⁵ Взять хотя бы годы, проведенные в каменоломнях Серавеццы, когда он готовился строить фасад церкви Сан-Лоренцо. – Р. Р.

²⁶ Так было с «Христом», заказанным в 1514 г. для церкви Санта-Мария-сопра-Минерва. В 1518 г. Микеланджело сокрушался, что все еще не приступил к работе: «Меня это страшно мучает... Я кажусь себе вором». Так было с капеллой Пикколomini в Сиенне, на украшение алтаря которой он в 1501 г. заключил договор, обязуясь закончить вес статуи в трехгодичный срок. Шестидесять лет спустя, в 1561 г., он все еще терзался, что не выполнил взятого на себя обязательства! – Р. Р.

²⁷ «Facte paura a ognuno insino a'papi», – писал ему Себастьяно дель Пьомбо 27 октября 1520 г. – Р. Р.

²⁸ Беседа с Вазари. – Р. Р.

²⁹ Например, в 1534 г. он хотел бежать от папы Павла III, но в конце концов подчинился и взялся на него работать. – Р. Р.

³⁰ В качестве примера можно привести оскорбительное письмо кардинала Джулио Медичи (будущего папы Климента VII) от 2 февраля 1518 г., в котором он высказывает подозрение, что Микеланджело подкуплен каррарцами. Микеланджело проглатывает обиду и пишет, что «ничего иного не желает, как только угодить его преосвященству». – Р. Р.

³¹ См. его письма и письма, которые Себастьяно дель Пьомбо писал по его указанию после падения Флоренции. Он беспокоился о состоянии духа и здоровья Микеланджело. В 1531 г. Климент VII пишет даже особое послание, чтобы оградить художника от назойливости людей, злоупотреблявших его любезностью. – Р. Р.

³² Ср. смиренное письмо Микеланджело к Фебо от декабря 1533 г. и ответное письмо Фебо от января 1534 г., в котором чувствуется вымогатель и пошлый человек. – Р. Р.

³³ «Если я слишком неискусный кормчий, чтобы плыть по океану Вашего гения, да простит он меня и не презирает, ибо я не могу с ним сравниться. Того, кто совершенен во всем, нельзя ни в чем превзойти» (Микеланджело к Томмазо деи Кавальери от 1 января 1533 г.). – Р. Р.

³⁴ «...До сих пор я остерегался разговаривать и общаться с изгнанниками. Впредь я буду еще более осторожен... Я не разговариваю ни с кем, тем более не разговариваю с флорентийцами. Когда с тобой здороваются на улице, учтивость требует

Его гнетет страх. Он смертельно стыдится своего страха. Презирает себя. Заболевает от отвращения к себе. Он хочет умереть, и окружающие боялись, что он умрет³⁵.

Но умереть он не может. В нем живет неистребимая жизненная сила, которая наперекор всему каждодневно возрождается, а с нею возрождаются все новые и новые муки. Если бы он мог по крайней мере вырваться из этого заколдованного круга, перестать действовать. Но он знал, что просто жить и не действовать ему не дано. И он действует. Так надо. Действует? Нет, за него действуют бешеные и противоречивые страсти, которые подхватывают его и кружат в ледяном своем вихре, подобно Дантовым грешникам.

Как он, должно быть, страдал!

Горе мне! Горе! Во всей своей прошлой жизни я не
нахожу дня, который бы принадлежал мне!
Ohime, ohime, pur reiterando
Vo'l mio passato tempo e non ritrovo
In tucto un giorno che sie stato mio!³⁶

Он с отчаянием вызывает к Богу:

...О Боже, Боже, Боже!
Кто поможет мне, если не я сам?
...О Dio, o Dio, o Dio!
Chi piu di me potessi, che poss' io?³⁷

Если он жаждал смерти, то потому лишь, что видел в ней избавление от гнетущего рабства. С какой завистью говорит он о тех, кто уже умер.

«Вы можете не опасаться больше изменчивости желаний и самого бытия... Бег часов не властен над вами, равно как необходимость и случай... Пишу это и почти завидую».³⁸

Умереть! Уйти! Уйти от самого себя, избегнуть слепого произвола обстоятельств! Освободиться от наваждения своего «я»!

О, сделай, чтоб с собой мне больше не встречаться!
De, fate, c'a me stesso piu non torni!³⁹

отвечать на приветствия, что я и делаю, но прохожу мимо. Если бы мне было известно, кто из этих флорентийцев изгнанники, я не стал бы даже раскланиваться с ними...» (письмо из Рима 1548 г. племяннику Лионардо, сообщавшему, что во Флоренции Микеланджело обвиняют в сношениях с изгнанниками, против которых герцог Козимо II незадолго перед тем издал суровый указ). Больше того, он отрекся от гостеприимных Строцци, которые приютили его во время болезни: «...Так же необоснован упрек в том, что на воюя болезни меня приютили у себя в доме и выходили Строцци; я считал, что нахожусь не у них в доме, а в комнате Луиджи дель Риччо, который был очень ко мне привязан» (Луиджи дель Риччо состоял на службе у Строцци). Однако не подлежит сомнению, что Микеланджело был все же гостем Строцци, а не Риччо, ибо чем как не благодарностью за гостеприимство можно объяснить его подарок Роберто Строцци, которому он за два года перед тем послал своих «Двух рабов», находящихся теперь в Лувре. – Р. Р.

³⁵ В 1531 г., после капитуляции Флоренции, когда Микеланджело подчинился требованиям Климента VII и старался задобрить Валори. – Р. Р.

³⁶ «Стихотворения», сонет XLIX (очевидно, относится к 1532 г.). – Р. Р.

³⁷ «Стихотворения», сонет VI (написано между 1504 и 1511 гг.). – Р. Р.

³⁸ Ne tem' or piu cangiar vita ne voglia. Che quasi senza invidia non lo scrivo... L'ore distinte a voi non fanno forza, Caso o necessita non vi conduce... («Стихотворения», сонет LVIII – На смерть отца, 1534 г.). – Р. Р.

³⁹ «Стихотворения», сонет CXXXV. – Р. Р.

* * *

Мне слышится этот трагический возглас, когда я вижу скорбное лицо и устремленный на меня тревожный взгляд портрета в музее в Капитолии⁴⁰.

Микеланджело был роста среднего, широк в плечах и мускулист. От работы в Сistine он весь скривился, спина прогнулась, живот выпятился, при ходьбе он закидывал назад голову. Таким мы видим его на портрете Франсиско д'Оланда. Он стоит в профиль, одетый во все черное, с наброшенным на плечи плащом, голова повязана, а поверх повязки надета широкополая, закрывающая половину лица, мягкая черная шляпа⁴¹. Голова у него была круглая, лоб квадратный, изрезанный морщинами, с сильно выраженными надбровными дугами. Черные, довольно редкие волосы слегка курчавились. Небольшие⁴² светло-карие глаза, постоянно менявшие цвет, испещренные желтыми и голубыми точками, глядели пристально и печально. Широкий прямой нос с небольшой горбинкой еще в детстве перешиб ему Торриджани⁴³. От ноздрей к углам рта шли глубокие складки. Рот тонко очерченный, нижняя губа чуть оттопырена. Жиденькие бакенбарды и раздвоенная негустая борода фавна длиной в четыре-пять дюймов обрамляли широкоскулое лицо с впалыми щеками. В общем преобладает выражение печали и нерешительности. Поистине лицо времен Тассо, лицо человека, снедаемого тревогой и сомнениями. Горестный взгляд хватается за душу, молит о сочувствии.

* * *

Так воздадим же ему полной мерой ту любовь, которую он искал всю жизнь и в которой ему было отказано. Он испытал величайшие несчастья, какие могут выпасть на долю человека. Он видел свою родину поработанной. Видел Италию отданной на века иноземным варварам. Видел, как гибла свобода. Видел, как один за другим исчезали все те, кто был ему дорог. Видел, как гасли один за другим светочи искусства.

Он остался последним в сгущавшемся мраке. И на краю могилы, оглядываясь назад, он даже не мог сказать себе в утешение, что совершил все, что должен был, что в силах был совершить. Ему казалось, что он даром прожил жизнь. Напрасно жертвовал всеми радостями. Напрасно все отдал кумиру искусства⁴⁴.

Долгих девяносто лет он надрывался над работой, ни единого дня не отдыхал, ни единого дня не жил по-человечески и, осудив себя на такие муки, все же не осуществил ни одного из своих великих замыслов. Все самые крупные и самые дорогие ему произведения остались незаконченными. По странной прихоти судьбы, этому скульптору⁴⁵ удавалось завершать лишь

⁴⁰ Следующее далее описание основывается на различных портретах Микеланджело, главным образом на портрете Якопо дель Конте (1544–1545 гг.) из галереи Уффици, который воспроизвел, несколько смягчив оригинал, Марчелло Венусти (музей в Капитолии), на гравюре Франсиско д'Оланда, относящейся к 1538–1539 гг., и гравюре Джулио Бонасони 1546 г., а также на биографии Кондиви, опубликованной в 1553 г. Друг и ученик Микеланджело, Даниелло да Вольтерра после смерти скульптора изваял его бюст. Леоне Леони в 1561 г. отчеканил медаль с его изображением. – Р. Р.

⁴¹ Таким Микеланджело лежал и в гробу, по свидетельству тех, кто в 1564 г. прощался с ним, когда тело его было привезено из Рима во Флоренцию для погребения. Казалось, он спит: на голове все та же черная шляпа, на ногах те же сапоги со шпорами. – Р. Р.

⁴² По свидетельству Кондиви. – На портрете Венусти глаза у него большие. – Р. Р.

⁴³ В 1490 или 1492 г. – Р. Р.

⁴⁴ ...L'affettuosa fantasia, Che l'arte mi fece idol'e monarca..... Не знал пределов в своем обожании искусства, и оно стало для меня кумиром и деспотом... («Стихотворения», сонет CXLVII, 1555–1556 гг.). – Р. Р.

⁴⁵ Он сам именовал себя скульптором, а не живописцем. «Сегодня. 10 марта 1508 г., – пишет он, – я, скульптор Микеланджело, приступил к росписи капеллы (Систины)». «Это не моя профессия, – пишет он год спустя. – ...Напрасно я трачу

живописные работы, к которым у него никогда не лежало сердце. Из больших работ Микеланджело, с которыми было связано столько горделивых надежд и столько огорчений, одни – картон «Битва при Кашине» и бронзовая статуя Юлия II – были разрушены еще при жизни художника, другие – гробница Юлия II и капелла Медичи – явились лишь жалким подобием первоначального замысла.

Скульптор Гиберти рассказывает в своих «Комментариях» историю одного злосчастного немца, золотых дел мастера при герцоге Анжуйском, «не уступавшего в своем искусстве ваятелям античной Греции», которому на склоне лет привелось увидеть, как был уничтожен труд всей его жизни. «Тогда, поняв, что все усилия его были напрасны, он упал на колени и воскликнул: «Господь вседержитель, творец всего сущего, помоги мне не сходить более с верного пути, дозвожь мне следовать лишь за тобой. Смилуйся!» Затем он роздал все свое имущество бедным и удалился в обитель, где и умер».

Подобно несчастному золотых дел мастеру. Микеланджело, дожив до старости, с горечью созерцал свою напрасно прожитую жизнь, свои бесплодные усилия, свои незаконченные, погибшие, незавершенные творения.

Тогда он отрекся от себя. Вместе с ним отрекалось Возрождение, гордое великолепной гордостью свободных душ, владеющих всей вселенной, отрекалось «ради любви божественной, раскинувшей руки на кресте, дабы принять нас в свое лоно».

... Volta a quell' amor divino
C'apersc a prender noi'n croce le braccia⁴⁶.

Из груди его не вырвался животворящий призыв «Оды к Радости». До последнего вздоха это была ода к Скорби, к Смерти-избавительнице. Итак, он был побежден.

* * *

Таков был тот, кого мир признал победителем. Мы наслаждаемся созданиями его гения, подобно тому как наслаждаемся плодами побед наших предков, забывая о пролитой крови.

Non vi si pensa
Quanto sague costa...⁴⁷

Пусть эту кровь увидят все, пусть взвьется над нами алый стяг героев.

время» (27 января 1509 г.). Так он думал всегда. – Р. Р.

⁴⁶ «Стихотворения», сонет CXLVII. – Р. Р.

⁴⁷ [«Не думают, какою куплен кровью...» (итал.) – Прим. ред.] Данте, «Рай», песнь XXIX, строфа 91. – Р. Р.

Часть первая Борьба

I Сила

*Davide cholla fromba e io choll' arco.
Michelagnolo⁴⁸*

Он родился 6 марта 1475 г. в Капрезе, что в долине Казентино. Суровый край и «живительный воздух»⁴⁹, скалы и буковые леса, над которыми встает костлявый хребет Апеннин. Неподалеку – Вернийская скала, где Франциску Ассизскому являлся распятый Христос.

Отец Микеланджело⁵⁰ занимал должность подесты в Капрезе и в Кьюзи. Это был человек вспыльчивый, беспокойный и «богобоязненный». Мать Микеланджело⁵¹ умерла, когда ему едва исполнилось шесть лет⁵². Их было пять братьев: Лионардо, Микеланджело, Буонаррото, Джовансимоне и Джисмондо⁵³.

Грудным ребенком Микеланджело отправили к кормилице, жене каменотеса в Сеттиньяно. Впоследствии он в шутку говорил, что всосал с молоком кормилицы свое призвание к скульптуре. Его определили в школу, но там он только и делал, что рисовал. «Отец и дядя невзлюбили его за это и часто жестоко наказывали: они ненавидели живописцев и считали позором, что из их семьи выйдет живописец»⁵⁴. Так, Микеланджело еще ребенком познал жестокость жизни и тяжесть одиночества.

Однако Микеланджело все же переупрямил отца. Тринадцати лет он поступает учеником в мастерскую Доминико Гирландайо, величайшего и наиболее здорового по духу из всех флорентийских живописцев. Первые же работы Микеланджело имели такой успех, что будто бы даже возбудили зависть учителя⁵⁵. Через год Микеланджело расстается с Гирландайо.

Живопись ему разонравилась. Его влечет более героическое искусство. Он переходит в школу скульптуры, которая существовала попечениями Лоренцо Медичи в садах Сан-Марко⁵⁶. Лоренцо Великолепный заинтересовался Микеланджело, поместил его во дворец, сажал обедать за один стол со своими сыновьями. Здесь, в самом сердце итальянского Возрождения, мальчика окружают коллекции антиков, он слушает поэтические произведения, присутствует при философских диспутах великих платоников – Марсилио Фичино, Бенивьени, Анджело Полициано. Они увлекли его. Окунувшись в античность, он начинает по-античному воспри-

⁴⁸ [«Давид с пращой, а я с луком» (итал.) – Прим. ред.] Микеланджело, «Стихотворения», сонет I – на листе с набросками к «Давиду», находящемся в Лувре. – Р. Р.

⁴⁹ Микеланджело часто говорил, что обязан своим гением «живительному воздуху Ареццо». – Р. Р.

⁵⁰ Лодовико ди Лионардо Буонарроти Симони (настоящая их фамилия была Симони). – Р. Р.

⁵¹ Франческа деи Нери ди Миньято дель Сера. – Р. Р.

⁵² Спустя четыре года, в 1485 г., отец Микеланджело вступил во второй брак, женившись на Лукреции Убальдини (умерла в 1497 г.). – Р. Р.

⁵³ Лионардо родился в 1473 г., Буонаррото – 1477 г., Джовансимоне – в 1479 г., Джисмондо – в 1481 г. После того как Лионардо постригся в монахи, Микеланджело оказался старшим, главой семьи. – Р. Р.

⁵⁴ Кондиви. – Р. Р.

⁵⁵ По правде говоря, трудно поверить, чтобы столь крупный мастер мог завидовать кому-либо. Во всяком случае вряд ли это могло послужить причиной поспешного ухода от него Микеланджело, который до глубокой старости всегда с величайшим уважением отзывался о своем первом учителе. – Р. Р.

⁵⁶ Школой руководил скульптор Бартольдо, ученик Донателло. – Р. Р.

нимать и видеть мир, становится греческим скульптором. Под влиянием бесед с Полициано, который «очень его любил», он создает барельеф «Битва кентавров с лапитами»⁵⁷. Этот великолепный барельеф, где невозмутимо царят гордая сила и красота, равно отражает и мужественный дух подростка, и его дикие игры, и забавы с необузданными товарищами.

Вместе с Лоренцо ди Креди, Буджардини, Граначчи, Торриджано ди Торриджани Микеланджело ходил срисовывать фрески Мазаччо в церковь Кармино. Он имел обыкновение зло подсмеиваться над менее искусными учениками. Однажды он отпустил обидное замечание по адресу тщеславного Торриджани, а тот в отместку ударил его кулаком в лицо. Впоследствии Торриджани хвастался Бенвенуто Челлини: «Я размахнулся и с такой силой хватил его по носу, что почувствовал, как кости и хрящ сплющились у меня под рукой, будто вафля. На всю жизнь оставил я ему свою метку»⁵⁸.

* * *

Поклонение античности не погасило христианской веры Микеланджело. Два враждебных мира, мир языческий и мир христианский, боролись за его душу.

В 1490 г. доминиканский монах Савонарола выступил с пламенными проповедями, толкуя апокалипсис. Савонароле было тогда тридцать семь лет. Микеланджело – пятнадцать. Перед юношей был низкорослый, тщедушный проповедник, сжигаемый пламенем веры. Страшный голос, призывавший с амвона большого собора огонь небесный на папу и грозивший Флоренции «кровавым мечом господним», леденил душу юного художника. Вся Флоренция трепетала. Люди, словно помешанные, с воплями и рыданиями металась по улицам. Самые богатые горожане – Ручеллаи, Сальвиати, Альбицци, Строцци собирались постричься в монахи. Даже ученые и философы, такие, как Пико делла Мирандола, Полициано, отрекались от своих идей⁵⁹. Старший брат Микеланджело, Лионардо, вступил в Доминиканский орден⁶⁰.

Микеланджело не избежал общего поветрия. Когда во Флоренции узнали, что приближается со своими войсками предвещанный пророком новый Кир, он же меч Господень, он же уродливый карлик – сиречь король Франции Карл VIII, – молодого Буонарроти обуял ужас.

Однажды его сильно взволновал сон, рассказанный ему одним из друзей. Поэту и музыканту Кардьере привиделась ночью тень Лоренцо Медичи⁶¹ в трауре и лохмотьях, едва прикрывавших наготу. Призрак повелел Кардьере предупредить его сына Пьеро Медичи, что тот будет изгнан из Флоренции и никогда больше не вернется на родину. Микеланджело, которому Кардьере рассказал о своем видении, посоветовал ему сообщить обо всем герцогу, но Кардьере, боясь гнева Пьеро, не осмелился этого сделать. Чуть ли не на следующий день он утром прибежал к Микеланджело и в ужасе рассказал, что покойник явился ему снова, и снова в том же одеянии. Приблизившись к постели Кардьере, который молча глядел на него, призрак ударил его по щеке в наказание за то, что он ослушался. Микеланджело накинулся на Кардьере с

⁵⁷ «Битва кентавров с лапитами» находится в доме-музее Буонарроти во Флоренции. К тому же времени относится и «Маска смеющегося фавна», стяжавшая Микеланджело расположение Лоренцо Медичи, а также «Мадонна у лестницы» (барельеф в доме Буонарроти). – *Р. Р.*

⁵⁸ Это случилось примерно в 1491 г. – *Р. Р.*

⁵⁹ Они вскоре умерли – в 1494 г. Полициано просил, чтобы его погребли, как доминиканца, в церкви Сан-Марко, церкви Савонаролы. Пико делла Мирандола перед смертью облачился в доминиканскую рясу. – *Р. Р.*

⁶⁰ В 1491 г. – *Р. Р.*

⁶¹ Лоренцо Медичи умер 8 апреля 1492 г.; ему унаследовал его сын Пьеро. Микеланджело покинул дворец и некоторое время жил у отца, не имея никакой должности. Вскоре, однако, Пьеро призвал его к себе и поручил покупку камней и гемм. Тогда-то Микеланджело и изваял огромного мраморного Геркулеса, который стоял сначала во дворце Строцци, а в 1529 г. был приобретен Франциском I и установлен в Фонтенбло, откуда статуя исчезла в XVII в. К тому же времени относится и деревянное распятие монастыря Сан-Спирито, работая над которым Микеланджело столь усердно изучал анатомию на трупах, что даже захворал (1494 г.). – *Р. Р.*

упреками и заставил его немедленно отправиться пешком в Кареджи виллу Медичи под Флоренцией. Встретив Пьеро на полпути, Кардьере остановил его и все ему рассказал. Пьеро расхохотался и приказал своим стремянным отстегать дерзкого. Канцлер герцога, Биббиена, сказал Кардьере: «Ты попросту дурак. Кого, ты полагаешь, Лоренцо больше любит? Тебя или своего сына? Если ему надо было прийти с того света, он уж, конечно, явился бы самому герцогу, а не тебе!» Избитый и осмеянный, Кардьере со стыдом вернулся во Флоренцию; он сообщил Микеланджело о постигшей его неудаче и настолько убедил его в неотвратимости бед, грозящих Флоренции, что тот два дня спустя бежал⁶²

⁶² Кондиви. Бегство Микеланджело имело место в октябре 1494 г. А месяц спустя, в страхе перед народным восстанием, бежал и Пьеро Медичи. Во Флоренции при поддержке Савонаролы, предвещавшего, что Флоренция укажет путь к республике всему миру, установилось народное правительство. Впрочем, одного монарха эта республика все же признавала – Иисуса Христа. – Р. Р.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.